

Наполеон на острове Св. Елены: воспоминания о русском походе

Несколько лет, проведенных Наполеоном на далеком острове, затерянном в просторах Атлантического океана, породили обширнейшую литературу — от серьезных исторических сочинений и высокой поэзии до бульварных изданий, публиковавшихся ради дешевых сенсаций. Все это не случайно. Великим предсказателем, создателем, а то и арранжировщиком этой, уже почти двухвековой симфонии, был сам Наполеон, заложивший в последние годы жизни основы легенды о себе самомⁱ. Однако эта легенда была не только плодом фантазии бывшего императора. Отнюдь. Она покоилась на очень сложном переплетении подлинных фактов (нередко переосмысленных или домысленных позже) и на припоминаниях тех впечатлений и чувств, которые испытал когда-то сам император, его сподвижники, солдаты и многие французы. В полной мере это относится и к размышлениям Наполеона о Русской кампании, к которой он множество раз возвращался в своих устных воспоминаниях на о-ве Св. Елены. Фактически эти воспоминания, в основной части опубликованные уже в 20-е гг. XIX в. (как, например, знаменитый «Мемориал» О.-Э.-Д.-М. Лас Казаⁱⁱ), стали основой для формирования в национальной памяти французов представлений и образов о войне с Россией в 1812 г. Между тем, в отечественной историографии к этим воспоминаниям обращались чрезвычайно редко и фрагментарно. В лучшем случае, авторы ограничивались общими утверждениями о том, что традиция, широко распространенная в зарубежной историографии о решающем воздействии стихийных факторов на поражение Великой армии, была заложена еще Наполеономⁱⁱⁱ. Пожалуй только В.Г. Сироткин расширил этот тезис до утверждения о том, что война с

Россией мыслилась Наполеоном как борьба европейской цивилизации с полуазиатским варварством^{iv}. Почти совершенно отсутствует анализ воспоминаний Наполеона о войне с Россией и в зарубежной историографии^v.

Между тем, размышления бывшего императора о войне с Россией в 1812 г. настолько разноплановы и столь важны для понимания воздействия на глубинные представления не только французов, но и всех западноевропейцев о России и о ее месте в мире, что заслуживают более внимательного рассмотрения.

Начнем с того, как Наполеон объяснял причины войны 1812 г. Они, как следует из устных воспоминаний бывшего императора, напрямую были связаны с геополитическим раскладом сил в мире. Все народы, по его мнению, делятся на «океанические» и «восточные». Если англичане, французы, итальянцы и некоторые другие «входят в одну фамилию»^{vi}, то Россия скорее относится к другой «фамилии» — восточной; «она имеет слабо цивилизованное пространство и варварское население»^{vii}. Наполеон признавал, что Петр I «не хотел оставлять русских азиатами» и ради этого он провел свои реформы, попытался «перенести границы, аккумулировать силы и войти в европейское общество»^{viii}. Однако это не привело к решительным переменам. Природные условия европейцев, их образ жизни, их дух, характеризующийся развитым чувством долга, личной храбростью^{ix} — разительно отличаются от того, что характеризует русских. «Русские — есть варвары, которые не имеют чувства родины». По мнению Наполеона, следует различать простое предпочтение той страны и условий, в которых человек родился, что покоится главным образом на невежестве в отношении других стран, от подлинной любви к

отечеству, которая сопряжена с осознанием преимуществ своего образа жизни и общественной организации^x. Бывший император однажды даже начал рассуждать о том, что казаки, придя во Францию, не стали «выбирать себе женщин» потому, что француженки «обошлись бы им дороже, чем женщины в своей стране». «Русские — нищие, — заявил он далее, — и это создает для них необходимость завоеваний, продвижения вперед»^{xi}. Особенности России, в том числе природные и географические, предопределили особенности русских солдат^{xii}. По словам Наполеона, «эти каналы организованы в прекрасные армии: они храбры, активны, стойко переносят усталость»^{xiii}.

Вот поэтому война 1812 г., по мысли Наполеона, фактически и стала общеевропейским делом. «...в результате многих предшествующих [войне] событий, — рассуждал он в октябре 1816 г., — эта война из войн новейших времен была наиболее популярной: это была война здравого смысла и подлинных интересов, война ради покоя и безопасности всех; она была исключительно ради мира и сохранения достигнутого, — все было ради европейскости и континентализма. Ее успех был бы использован ради создания баланса [интересов], новых комбинаций, которые бы уничтожили опасности того времени, дабы сменить их будущим спокойствием...»^{xiv}. Мир, достигнутый в результате разгрома России, стал бы «концом опасностей и началом [эры] безопасности. Появился бы новый горизонт, новая работа была бы развернута, наступило бы время полного благополучия и процветания всех. Была бы создана европейская система, и не было бы проблемы ее организовать», — так заявил наполеон в августе 1816 г. Развивая эти мысли далее, он поделился с Лас Казом тем, что в 1812 г. мечтал о новом европейском союзе, который был бы естественным

«медиатором между старым и новым порядком вещей». Возникли бы общеевропейские средства сообщения, объединились бы религии, искусства, коммерция... И в этой ситуации, по его словам, у него не было бы «сомнений в отношении процветания» и самой России^{xv}.

Последнее заявление выглядит несколько странным. Во-первых, потому что ни до этого дня (видимо, 24 октября 1816 г.), ни позже, Наполеон ни разу не высказывал подобной мысли о блестящем будущем России в случае ее поражения в 1812 г. Во-вторых, потому что сам ход событий говорил явно об обратном: Россия должна была быть исключена из европейской системы, возникавшей под эгидой Франции^{xvi}. «...я шел на Россию во главе всей остальной Европы. — Размышлял бывший император в апреле 1816 г. — Начинание было популярным, дело было европейским. Это было последнее усилие, которое Франции оставалось сделать; предназначением этого усилия была новая европейская система, которая стала бы концом борьбы. Россия была последним ресурсом Англии. Всеобщий мир был в России, и успех без сомнения был обеспечен»^{xvii}.

Что же все-таки было главной целью для Наполеона в 1812 г.? Остановить, обуздать и отбросить «русских варваров» или все же лишить Англию ее «последнего ресурса»? Кто был главным врагом наполеоновской империи — Россия или Англия? Бывший император на о-ве Св. Елены не дал ясного ответа на этот вопрос. И хотя чаще всего фигурировала все же Россия как враг, очевидно, что это не могло не быть связано с общей европейской ситуацией после поражения Франции и явного доминирования России в постнаполеоновской Европе.

Как ни странно, но на Св. Елене бывший император очень глухо упоминал о своих военно-стратегических планах при вторжении в

Россию. Пожалуй, единственный момент, который звучал очень внятно, — это то, что движение на Москву, по мнению Наполеона, было совершенно оправданно. В Москве был мир^{xviii}. Кроме того, в отличие от Карла XII, который совершил большую ошибку, «застряв на Украине», и погубив свои коммуникации, он, Наполеон, эти коммуникации смог сохранить («...не было дня, чтобы я не получал новости из Франции; Париж ни на один день не оставался без писем из армии»). «Пушки дошли до сражения при Москве», — восклицал он^{xix}.

Состав и численность Великой армии, вторгшейся в Россию, Наполеон характеризовал так: «...400 тыс. человек перешли Вислу; только 160 тыс. перешли Смоленск для движения на Москву; 240 тыс. человек остались в резерве между Вислой, Днепром и Двиной. Половина из этих 400 тыс. людей были австрийцы, пруссаки, саксонцы, поляки, баварцы, вюртембергцы, бергцы, баварцы, гессенцы, вестфальцы, мекленбургцы, испанцы, итальянцы, неаполитанцы; императорская армия собственно на треть состояла из голландцев, бельгийцев, жителей берегов Рейна, пьемонтцев, швейцарцев, генуэзцев, тосканцев, римлян, чинов 32-й военной дивизии, бременцев, гамбургцев и т.д.»^{xx}.

Ход военных действий бывший император освещал очень скупо. Пожалуй, только о Бородинском сражении он говорил неоднократно. «После дела при Смоленске, в 1812 году, французская армия маршировала прямо на Москву. Генерал Кутузов прикрыл этот город успешным движением». Кутузов «прибыл в укрепленный лагерь при Можайске..., принял сражение и, проиграв его, — перешел в столицу...»^{xxi}. В другой раз Наполеон, рассуждая о подвигах своих войск в Русскую кампанию, «отдал справедливость и великую дань нашим генералам, нашим храбрецам, Мюрату, Нею, Понятовскому,

которые были героями дня Москворецкой битвы, доблестным кирасирам, которые штурмовали редуты, порубив канониров на их пушках; храбрым артиллеристам, которые боролись со всей решимостью и с полным успехом, и этим неустрашимым пехотинцам, которые, в пылу боя, когда возникала особая нужда в храбрости, кричали своему командиру: будь покоен, твои солдаты поклялись сегодня победить, и они верили в это...»^{xxii}. Через год, в октябре 1817, Наполеон скажет о сражении так: «Я был потрепан в большом деле при Москве-реке; я атаковал с 80-тысячной армией русскую армию, состоявшую из 250 тыс., хорошо защищенную укреплениями и укомплектованную. 60 тыс. русских остались на поле битвы. Они с бесстыдством заявили, что это они выиграли баталию, в то время как я маршировал на Москву»^{xxiii}. Оставим на совести Наполеона несуразность приведенных им цифр. Но очевидно, что полководец признавал: победа под Бородином досталась ему нелегко. Это подтверждается двумя его цитатами о сражении. Так, в январе 1815 г. Наполеон заявил: «Русские имеют великолепные войска...; русская армия Аустерлица не дала разбить себя в битве при Москве-реке (n'aurait pas perdu la bataille de la Moscowa)»^{xxiv}. В октябре 1816 г. он сказал: «Сражение при Москве-реке было сражением, где было проявлено наиболее доблести и одержаны наименьшие успехи (obtenu le moins de résultats)»^{xxv}. И все же... Наполеон упоминал о Ваграме и Эслинге, как о наиболее кровавых своих битвах, но не о Бородине^{xxvi}.

Центральным событием всей кампании 1812 г. Наполеон считал, по-видимому, московский пожар. 24 августа 1816 г. узник Св. Елены начал говорить с Лас Казом о пожаре Москвы. «Кто может восполнить богатства, которые исчезли? — воскликнул Наполеон. «Представьте

себе, — продолжал он, обращаясь к собеседнику, — Париж с концентрацией своей промышленности и результатами работы веков: его капитал за 14 веков, который создал этот город, не говоря уже о прибыли в миллион в год, какая сумма! А также его магазины, научные коллекции, собрания искусства, долговую и торговую документацию, и т.д., — и вот теперь это представьте по отношению к Москве: и все исчезло! Какая катастрофа! Одна мысль об этом не может не заставить затрепетать!!!». Главным виновником московского пожара Наполеон назвал Ф.В. Ростопчина. После чего патетически воскликнул: «Никогда, несмотря на поэзию, все выдумки о пожаре Трои не могут сравниться с реальностью того, что было в Москве. Древний город бурно пылал. Все помпы исчезли. Это был океан огня. Три или четыре сотни поджигателей были казнены, но...»^{xxvii}. «Мир в Москве предопределил бы окончание моей военной экспедиции», — заявил Наполеон и нарисовал далее блестящую картину благоденствия и процветания Европы. Но весь этот процесс, заключил он, «был остановлен в Москве»^{xxviii}. «В 1812 году, — отметил Наполеон в другой раз, — если бы русские не приняли решения сжечь Москву, решение неслыханное в истории, и не создали бы условия, чтобы его исполнить, то взятие этого города повлекло бы за собой исполнение миссии в отношении России; потому что победитель, оказавшись в этом великолепном городе, нашел бы все необходимое»^{xxix}. «Огонь пожрал все, что было необходимо моей армии, — рассуждал великий узник в октябре 1816 г., — многочисленные зимние квартиры, полное снабжение продовольствием; и следующая кампания была бы решающей»^{xxx}. «Ужасный спектакль — море огня, океан огня. Этот спектакль был самый великий, самый величественный и самый

ужасный, который я видел за свою жизнь», — воскликнул Наполеон^{xxxі}.

Об отступлении из России, «великом отступлении», наполненном множеством человеческих трагедий и человеческих подвигов, Наполеон предпочел на Св. Елене вовсе не вспоминать! За исключением беглых упоминаний о холодных ночах и падших лошадях^{xxxіі}, мы не встретили практически ничего, даже упоминания о блистательном спасении армии и самого Наполеона на Березине.

До известной степени это умалчивание о событиях отступления компенсируется общими рассуждениями узника о причинах поражения в России в целом. 5 марта 1816 г. Наполеон, рассуждая о своих проектах объединенной Европы и причинах их провала, заявил следующее: «Трудности, которые заставляют сесть на мель — это не те трудности, которые исходят от людей; они все порождаются стихиями природы; в отношении Востока — это было море, которое я потерял; и это пожар Москвы, зимние холода, которые заставили меня проиграть на Севере: таким образом, вода, воздух и огонь, — вся природа, и ничто, кроме природы, — вот они враги всеобщего возрождения, господствовавшие над моей природой!»^{xxxііі} В интерпретации Ш.-Т. Монтолона, по-видимому, эти же размышления звучат несколько иначе: «Хорошо известная вещь заключается в том, что препятствия, которые приводят к провалу, исходят не от людей; они исходят от стихий; к примеру, — это море, или, в противовес, — это пожар Москвы и холода; итак, вода, воздух, огонь, — вся природа и ничто кроме природы, — вот они, враги главного возрождения самой природы»^{xxxіііі}. О поджоге Москвы и морозах, как главных причинах поражения в кампанию 1812 года, все сражения которой, по мнению Наполеона, были выиграны французами, он упоминал еще несколько

раз^{xxxv}. Вскользь, однажды, упомянул об оторванности от магазинов и «жестокости населения»^{xxxvi}. В целом, картина, создававшаяся бывшим императором, была очевидна: его победили не люди, но природные стихии; при этом дикий поджог Москвы и «русское варварство» так же представляли в качестве природных стихий, не подвластных человеческому гению.

Очень любопытны рассуждения Наполеона о потерях в ходе Русской кампании. Об этом он говорил, как можно понять по Лас Казу, в октябре 1816 г. Эти слова оказались записанными (в несколько разном виде) как Лас Казом, так и Монтолоном. «В России, — заявил узник Св. Елены, — наши потери были значительны, но не настолько, как представляется». Далее Наполеон привел упоминавшиеся уже выкладки о национальном составе Великой армии, заявив, что половина из 400 тыс. солдат, перешедших Вислу, были французы. «Кампания 1812 г. в России, — заключил Наполеон, — стоила менее 50 тыс. человек собственно Франции. Русская армия, при ее отступлении от Вильно до Москвы, в ходе различных боев потеряла в 4 раза больше, чем армия французская; пожар Москвы, из-за того что она была деревянной, стоил жизни 100 тыс. русским, умершим от холода и лишений; наконец, во время марша от Москвы к Одере русская армия также получила удар, страдая от непогоды того времени года. Она не насчитывала при своем прибытии в Вильно и 50 тыс. человек, а в Калише — менее 18 тыс. Можно полагать, подсчитав все, что потери России в течение этой кампании, были в 6 раз большими, чем потери Франции в ее современных границах»^{xxxvii}.

Все эти рассуждения обнаруживают две вещи. Во-первых, бывший император весьма вольно (можно даже сказать — беззастенчиво нагло) жонглировал цифрами потерь, как своей армии,

так и армии противника. Во-вторых, пытаясь снять с себя груз ответственности за огромные человеческие потери в результате Русского похода, он вдруг «забыл» о своей великой идее общеевропейского единства, не считая потери своих союзников достаточными того, чтобы их учитывать. В реальной политике Наполеона все было именно так: интересы Франции в поворотный момент событий оказывались безусловно выше интересов любых союзников.

Чрезвычайно важны были рассуждения бывшего императора о последствиях для европейцев провала Русской кампании и торжества России. В ноябре 1815 г. он предсказывал, что «Россия может стать причиной такой же катастрофы», какой стала для Европы Французская революция. При этом Россия обладает сверх того по сравнению с Европой важным преимуществом: «она имеет слабо цивилизованное правительство и варварское население»^{xxxviii}. В июне 1816 г. Наполеон вновь вещает: «либо через 10 лет вся Европа станет казацкой, либо вся республиканской»^{xxxix}. В ноябре того же года он вновь рассуждал об опасностях, которые может создать для Европы Россия, особенно указывая на «безграничность ее масс для вторжения»^{xl}. «Однажды Европа осознает, — заметил Наполеон в феврале 1817 г., — сколь предусмотрительной была моя Русская кампания; у нее [Европы] нет в запасе достаточно времени, нет его и у меня. Несчастье в виде наводнения варваров станет отмщением за отказ от моей политики»^{xli}. Несколькими месяцами позже он вновь пугал «казаками, калмыками и другими варварами», которые станут «угрозой нашим социальным преимуществам»^{xlii}. Мысли о русской опасности не давали Наполеону покоя. За несколько дней до смерти, 17 апреля 1821 г., проснувшись

ночью, он заставил Монтолона спешно записывать свои мысли. Бывший император предсказывал Европе многочисленные войны — гражданские и войны между государствами, либо, в противном случае, — борьбу «с королевской тиранией», либо же — «Север двинется против цивилизации», и в этом случае «борьба будет менее долгой, а удары будут более пагубными». «Если бы Россия была побеждена в 1812 г. — заключил он свои мысли той ночью, — проблема мира на 100 лет была бы решена...»^{xliii}.

Наконец, не обошел Наполеон своим вниманием и вопрос о том, как историки начали освещать историю кампании 1812 г. В июне 1816 г. узник Св. Елены познакомился с книгой Э. Лабома, бывшего в 1812 г. инженером-капитаном в штабе 4-го армейского корпуса вице-короля Италии Э. Богарне^{xliv}. Наполеон положительно оценил то, что «бывший адъютант вице-короля» «пренебрег декламациями» и обратился к фактам. Эти факты доказывают, «что русские сами сожгли Москву, Смоленск и т.д., что мы были победителями во всех делах. Факты в этом сочинении... очевидно подобраны так, чтобы книга была опубликована при моем правлении в годы моего могущества. Декламации введены после моего падения». «Все авторы подтверждают наши победы», — заявил в заключение Наполеон^{xlv}. В октябре того же года, после размышлений о ходе войны 1812 г., Наполеон заметил: «Впрочем, хорошей истории Русской кампании не увидеть никогда, потому что русские ее не напишут сами или напишут без всякого уважения к правде, и что французы прибегнут к красивой страсти, что обернется бесчестьем и дискредитацией своей собственной славы. Разумеется, Русская кампания является наиболее славной, наиболее трудной и наиболее почетной для галлов — среди тех войн, о которых упоминает древняя и новая история». «Какие отголоски

славы, — закончил Наполеон, — дойдут до будущих веков? Или же предвидятся ложь, клевета, преступления?»^{xlvi}

Опасения Наполеона оказались небезосновательными. Обращение будущих поколений к войне 1812 г. породило не только многочисленные и ожесточенные споры между историками, но и привело к формированию целого моря мифов и сознательных фальсификаций.

Примечания

ⁱ См.: *Собуль А.* Герой, легенда и история // Французский ежегодник. 1969. М., 1971. С.233-254.

ⁱⁱ *Las Cases A.-E.-D.-M.* Mémoires de St.-Hélène. P., 1823. Т.1-2. Далее цит. по изд.: *Las Cases A.-E.-D.-M.* Mémoires de Sainte-Hélène. P., s.a. Т.1-2.

ⁱⁱⁱ *Троицкий Н.А.* Отечественная война 1812 года. История темы. Саратов, 1991. С.98; *Бескровный Л.Г.* Отечественная война 1812 года. М., 1962. С.76.

^{iv} *Сироткин В.Г.* Наполеоновская «война перьев» против России // Новая и новейшая история. 1991. №1. С.137-152; *Его же.* Наполеон и Россия. М., 2000; *Его же.* Наполеон и Александр I. Дипломатия и разведка Наполеона и Александра I в 1801 – 1812 гг. М., 2003.

^v Пожалуй, единственным исключением является знаменитая работа А.-А. Жомини (*Jomini A.-H.* Vie politique et militaire de Napoléon, racontée par lui meme au tribunal de César, d'Alexandre et de Frédéric. P., 1827. Т.1-4. Русский перевод: *Жомини А.* Политическая и военная жизнь Наполеона. СПб., 1840. Ч.1-5), в которой он, без сомнения, использовал издание Лас Каза с устными воспоминаниями Наполеона).

^{vi} *Las Cases A.-E.-D.-M.* Op.cit. Т.2. P.257 (Запись от 23 сентября 1816 г.).

^{vii} Ejusd. Т.1. P.165 (Запись от 16 ноября 1815 г.).

^{viii} Ejusd. Т.2. P.141 (Запись от 24 октября 1816 г.).

^{ix} Ejusd. Т.2. P.458 (Запись от 18 ноября 1816 г.).

^x *O'Méara B E.* Napoléon dans l'exil // *Las Cases A.-E.-D.-M.* Op.cit. Т.2. P.639 (Запись от 14 февраля 1817 г.).

^{xi} Ejusd.

^{xii} См., например, общие рассуждения на этот счет: *Montholon Ch. T., comte de.* Histoire de la captivité de St.Hélène. Т.2. Bruxelles, 1846. P.190.

^{xiii} *O'Méara B E.* Op.cit. P.665 (Запись от 18 мая 1817 г.).

^{xiv} *Las Cases A.-E.-D.-M.* Op.cit. Т.2. P.339 (Запись от 25 октября 1816 г.).

^{xv} Ejusd. P.144-145 (Запись от 24 октября 1816 г.).

^{xvi} См., например: *Земцов В.Н.* Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. Екатеринбург, 2001. С.139-140.

^{xvii} *Las Cases A.-E.-D.-M.* Op.cit. Т.2. P.472 (Запись от 28 апреля 1816 г.).

-
- ^{xviii} См., например: Ejud. Т.2. Р.144 (Запись от 24 октября 1816 г.).
- ^{xix} Ejud. Т.2. Р. 342 (запись от 25 октября 1816 г.); *Montholon Ch. T.* Op. cit. Р.263-264.
- ^{xx} *Montholon Ch. T.* Op. cit. Р. 186.
- ^{xxi} Ejud. Р. 225.
- ^{xxii} *Las Cases A.-E.-D.-M.* Op.cit. Т.2. Р. 340 (Запись от 25 октября 1816 г.).
- ^{xxiii} *O'Méara B E.* Op.cit. Р.698 (Запись от 10 октября 1817 г.).
- ^{xxiv} *Las Cases A.-E.-D.-M.* Op.cit. Т.1. Р.294 (Запись от 27 января 1815 г.).
- ^{xxv} Ejud. Т. 2. Р. 166 (Запись от 28 октября 1816 г.).
- ^{xxvi} Ejud. Т. 1. Р. 417-418 (Запись от 28 мая 1816 г.).
- ^{xxvii} Ejud. Т. 2. Р. 143 (Запись от 24 августа 1816 г.).
- ^{xxviii} Ejud. Р. 145.
- ^{xxix} *Montholon Ch. T.* Op. cit. Р. 228.
- ^{xxx} *O'Méara B E.* Op.cit. Р. 590-591. Мы видим, что в этой фразе Наполеон противоречит другому своему заявлению, согласно которому после взятия Москвы следующей кампании уже бы не понадобилось.
- ^{xxxi} Ejud.
- ^{xxxii} См.: *O'Méara B E.* Op.cit. Р. 697-698 (Запись от 10 октября 1818 г.).
- ^{xxxiii} *Las Cases A.-E.-D.-M.* Op.cit. Т.1. Р.36 (Запись от 5 марта 1816 г.).
- ^{xxxiv} *Montholon Ch. T.* Op. cit. Р. 179.
- ^{xxxv} См.: *Las Cases A.-E.-D.-M.* Op.cit. Т.1. Р.730 (Запись от 16 июня 1816 г.); Т.2. Р.342 (Запись от 25 октября 1816 г.).
- ^{xxxvi} Ejud. Т. 2. Р. 341 (Запись от 25 октября 1816 г.).
- ^{xxxvii} *Montholon Ch. T.* Op. cit. Р.182, 186; *Las Cases A.-E.-D.-M.* Op.cit. Т.2. Р.345 (Запись от 25 октября 1816 г.).
- ^{xxxviii} *Las Cases A.-E.-D.-M.* Op.cit. Т.1. Р.165 (Запись от 6 ноября 1815 г.).
- ^{xxxix} Ejud. Р. 454 (Запись от 18 июня 1816 г.).
- ^{xl} Ejud. Т. 2. Р. 391 (Запись от 6 ноября 1816 г.).
- ^{xli} *O'Méara B E.* Op.cit. Р. 639 (Запись от 14 февраля 1817 г.).
- ^{xlii} Ejud. Р. 663-665 (Запись от 18 мая 1817 г.).
- ^{xliii} *Montholon Ch. T.* Op. cit. Р.98 (Запись от 17 апреля 1821 г.).
- ^{xliv} *Labaume E.* Relation circonscié de la campagne de Russie en 1812. Р., 1814.
- ^{xlv} *Las Cases A.-E.-D.-M.* Op.cit. Т.1. Р.730 (Запись от 19 июня 1816 г.).
- ^{xlvi} Ejud. Т. 2. Р. 339 (Запись от 25 октября 1816 г.).